

После того как Тайцзу ушел из жизни, его сын, Сюань-цзун Го Цзунсюнь, продолжил его дело. Чтобы исполнить волю отца, он организовал один за другим четыре западных похода. Сражения длились целых двадцать лет, прежде чем иноземцев удалось полностью изгнать из Сиюя.

С тех пор Сиюй вошел в состав Центральных равнин.

К моменту воцарения династии Великий Чжэн унаследовала от династии Чжоу земли как в степях, так и в Сиюе, а старый гон Цзя Дайшань умудрился силой оружия подчинить себе еще и снежное высокогорье.

Если подумать, теперь единственный способ заслужить военную славу оставался в Ляодуне.

Но сколько в Поднебесной знати и военных чинов? Даже в очереди не дождешься своей чести.

Поэтому путь гражданских чиновников явно сулил куда более долгую перспективу.

Вот только беда — Цзя Чжэнь был наследником титула военного аристократа, к тому же прямым потомком некогда самого славного из них, любимца и старого друга Цзя Дайшаня.

Чэнь Мэнлэй мог только загнать эти мысли поглубже.

Но что происходит теперь? Цзя Чжэнь сам идет к нему в руки.

Брат Дайшань, тут уж пеняй на себя.

Впрочем, не у всех были те же мысли, что у Чэнь Мэнлэя.

Старый книжник Чэнь Юэнь оказался совсем другим человеком. Всю жизнь он просидел за горами книг, помыслы его были чисты, а язык — прям.

— Ты ведь наследник титула в Особняке Жунго, — выпалил он прямо. — В Великом Чжэн продолжают использовать порядки прежней Чжоу: гражданским и военным нельзя сидеть на двух стульях сразу. Неужели ты хочешь уступить титул этому Баоуи из вашего Второго дома?

В столице не так уж много знатных семей.

То, что в Особняке Жунго нарушают порядок старшинства, можно было скрыть от чужаков, но не от людей из своего круга.

И это не просто не удавалось скрыть — подобное стало предметом насмешек за чашкой чая.

Если бы не остаточный авторитет Цзя Дайшаня, Цзунжэньфу давно бы вмешался и навел порядок.

Со времен Великого Предка, чтобы сблизиться с военной аристократией, установили правило: делами наследников и пожалования титулов ведает не Министерство ритуалов, а исключительно Цзунжэньфу.

Нынешним главой Цзунжэньфу был шестой брат Верховного Императора, шестой сын Императора Шэнцзу — Чжуншунь-цинван.

Если говорить об этом ване, в молодости он тоже слыл отчаянным воякой, вот только нрав имел взрывной, и связываться с ним мало кто решался.

Но старый Жунго-гун его вовсе не боялся. В бытность службы в армии Цзя Дайшань не раз умирал его по всей строгой воинской дисциплине.

Заноза в сердце Чжуншуня сидела столько лет и никак не желала выходить.

И даже несмотря на эту давнюю вражду, Чжуншунь не чинил неприятностей Клану Цзя.

Это могло означать лишь одно: и Император Шэнцзу, и Верховный Император неизменно защищают Клан Цзя.

С Кланом Цзя ничего не случалось.

Однако это не мешало людям судачить за спиной.

Правда, в лицо членам Клана Цзя такое сказать никто не смел.

То, что Чэнь Юэнь высказал всё открыто, лишь доказывало отсутствие у него каких-либо корыстных мотивов.

Цзя Чжэнь на мгновение опешил, но тут же нашелся с ответом:

— Разумеется, нет. Я и не думал идти в гражданские чиновники. Но боевые искусства — это одно, а книги читать всё равно надо.

Он сделал небольшую паузу и добавил:

— Когда в голове есть хоть капля чернил, у человека совсем другой облик. Лишний раз полистать книги еще никому не вредило.

Слова Цзя Чжэня застряли у Чэнь Юэня в горле.

Верно, от чтения книг вреда не бывает. Но дело в том, что читать книги вовсе не обязательно ради сдачи императорских экзаменов.

Увидев, как меняется лицо третьего дяди, Цзя Чжэнь неожиданно улыбнулся:

— Третий дядя, давайте я открою вам душу. Тот, кем я восхищаюсь — это первый Бэйцзинский ван. Теперь вы понимаете?

Мужчины из семьи Чэнь на миг замерли, но сразу всё поняли.

Если подумать, среди знати Великого Чжэн хватало тех, кто был искушен и в науках, и в ратном деле. Взять хотя бы первого маркиза Баолин Ши Мина или первого маркиза Увэй Цинь Си. Конечно, самыми знаменитыми оставались те два поколения Жунго-гунов из Клана Цзя — Цзя Юань и Цзя Дайшань. Особенно Цзя Дайшань, чье боевое мастерство было просто невероятным: во времена правления Императора Шэнцзу едва ли кто-то из аристократов мог продержаться против него хотя бы несколько приемов. Даже в сравнении со старыми полководцами эпохи основания государства он ни в чем не уступал. И это не говоря о его литературном таланте: стихи и оды передавались из поколения в поколение, а его политические трактаты хвалил даже тогдашний глава Великого секретариата Ли Гуанди, называя его прирожденным государственным мужем.

Но с другой стороны, какими бы талантами в словесности они ни обладали, в глубине души те оставались воинами. Их истинным призванием было нестись в гущу сражения, рубить врагов и захватывать знамена.

А вот первый Бэйцзинский ван Шуй Цзе был совсем другим. Он являлся чистокровным литератором. Сначала он служил военным советником у Великого Предка, а позже тот сделал для него исключение и позволил командовать войсками. На поле боя он никогда не надевал тяжелых доспехов, неизменно облачаясь в белые одежды ученого, за что люди прозвали его Белым Маршалом.

Шуй Цзе оставался единственным человеком в Великом Чжэн, которому Император позволил в виде исключения совмещать сразу две должности — гражданскую и военную. Когда Великое Чжэн только зарождалось, он одновременно заседал в Великом секретариате и носил титул члена Военного совета. После героической гибели старого Жунго-гуна Цзя Юаня и до тех пор, пока Цзя Дайшань не вошел в полную силу, Шуй Цзе даже временно возглавлял Военный совет. Не умри он так рано, слава Цзя Дайшаня наверняка оказалась бы изрядно затмлена.

Чэнь Мэнлэй со сложным выражением лица посмотрел на Цзя Чжэня:

— Лянь-эр, ты должен понимать. Даже если ты захочешь стать человеком вроде Цзя Дайшаня — это еще куда ни шло. Но Бэйцзинский ван Чэн-ван — фигура, которую практически

невозможно повторить.

Тот самый Шуй Цзе в молодости был худым, а чертами лица походил словно на сошедшего с картины красавца. Говорили, что в юности его едва не похитили, приняв за девушку. Если бы не его поистине блестящий ум, в ту смутную пору заката династии Чжоу он просто не выжил бы.

Позже он встретил Великого Предка и благодаря своим талантам быстро пришелся тому по душе. Великий Предок называл его не иначе как своим Чжан Ляном. Сам же он всегда любил сравнивать себя с хитроумным гением эпохи Троецарствия — Го Цзя.

Среди основателей государства он был самым молодым, всего на восемь лет старше Цзя Дайшаня из второго поколения. И что в итоге? Он ушел из жизни раньше всех остальных, если не считать павших в бою. Скончался от болезни в седьмой год правления Цзиннин. Император Шэнцзу горько оплакивал его и даровал посмертный титул Чэн — Искренний.

Чэн Мэнлэй изначально не слишком одобрял попытки Цзя Чжэня равняться на Шуй Цзе. Тот человек, как и последовавший за ним Цзя Дайшань, принадлежал к числу тех, кого невозможно превзойти. Более того, Чэн Мэнлэй считал, что Шуй Цзе превзойти даже труднее, чем Цзя Дайшаня.

Но полная уверенности и решимости осанка Цзя Чжэня заставила всколыхнуться и былые амбиции самого Чэн Мэнлэя. Раз уж у его собственного внука есть такой боевой дух, как старший может не поддержать его?

— Ладно, раз твоим примером стал Бэйцзинский ван Чэн-ван, придется приложить немало труда. Хотя я и не застал первого Бэйцзинского вана, мне довелось общаться со вторым. Жаль только, что отец и сын Шуй были выдающимися людьми, но, как и Жунго-гун, ушли слишком рано.

Чэн Мэнлэй сделал паузу, погладил бороду и продолжил:

— Хотя мне и не доводилось командовать войсками, в военных трактатах я кое-что смыслю. В свое время я специально советовался со вторым Бэйцзинским ваном насчет стратегии ведения войны старого князя. Давай так: отдохни три дня, а через три дня приходи ко мне в резиденцию. Утром будем изучать стихи, политические трактаты и классические каноны, а во второй половине дня — разбирать военное дело.

Цзя Чжэнь прекрасно понимал, что экзамены в Великом Чжэн сильно отличаются от прежних порядков эпохи Мин и Цин. Половину оценки составляли трактаты, а вторую половину — стихи и классические каноны. При этом практические навыки превыше всего, и от одной зубрежки толку нет.

Выйдя из резиденции Чэн, Цзя Чжэнь пребывал в приподнятом настроении и возвращался

домой, тихонько напевая себе под нос. Он никак не ожидал встретить по дороге своего личного слугу Цин'эра.

Цин'эр был потомственным слугой Клана Цзя и повсюду следовал за Цзя Чжэнем с тех самых пор, как тому исполнилось десять лет. Обычно он сопровождал господина во всех вылазках, но сегодня, отправляясь в резиденцию Чэнь ради конспирации, Цзя Чжэнь его не взял.

Сейчас слуга выглядел перепуганным и озирался по сторонам — едва взглянув на него, Цзя Чжэнь сразу понял, что стряслось нечто дурное.

— Ты чего? — окликнул его Цзя Чжэнь.

— Вторая господин, мой дорогой второй господин, наконец-то я вас нашел!

Цзя Чжэнь был озадачен:

— Что со мной?

— Второй господин, старший господин узнал, что вы ходили в резиденцию Чэнь! Он сейчас ищет вас и говорит, что применит семейное наказание. Вторая молодая госпожа велела мне разыскать вас и предупредить, чтобы вы пока не возвращались и переждали где-нибудь.

Цзя Чжэнь подумал, что этот парень Цин'эр всё же оказался преданным — не зря он отдал ему Тин'эр, бывшую служанку Ван Сифэн в приданом.

Он уже хотел было развернуться и уйти, как вдруг резко остановился: с какой стати ему бежать?

— Второй господин не станет прятаться. Возвращайся к Тин'эр и не забивай себе голову. По крайней мере пару дней будь осторожен, чтобы старший господин не сорвал на тебе злость.

Все эти грязные тайны Клана Цзя Цзя Чжэнь знал как свои пять пальцев. Если хозяин гневался, избивали обычно старших слуг. Цзя Баоюй был еще ребенком лет пяти-шести, старая госпожа тряслась над ним как над драгоценным яйцом, и Цзя Чжэн пальцем не смел его тронуть. В итоге мальчик для битья Ли Гуй регулярно получал тумаки. Цзя Чжэнь даже подозревал, что Ли Гуя держали исключительно на роль громоотвода для Цзя Чжэна — иначе трудно объяснить, почему личного слугу завели шестилетнему ребенку, да еще только Баоюю.

А вот с Цзя Шэ всё обстояло иначе — тот бил Цзя Чжэня без всяких церемоний, и никто не смел заступиться.

Насвистывая мелодию, Цзя Чжэнь вошел в особняк Клана Цзя и, не заходя к себе, направился

прямиком в Зал Жунцин. Раз уж дело вскрылось, придется отвечать по полной. К тому же ему еще предстояло ходить на учебу к Чэнь Мэнлэю, так что от этого визита никуда не деться.

Едва он показался у входа в Зал Жунцин, как несколько слуг Цзя Шэ преградили ему путь.

— Второй господин, старый господин велел сначала принять семейное наказание, а уже потом входить.

Если подумать, прислуга, прислуживавшая господам в Особняке Жунго, сплошь состояла из норовистых людей.

Те слуги, что были при Цзя Чжэне, почитали за развлечение плевать в лицо Цзя Жунгу. Про людей Цзя Чжэна и говорить нечего — Цзя Баоюй завидев их издалека, предпочитал делать большой крюк.

Прежний Цзя Чжэнь тоже трепетал перед ними. Каждый раз, когда Цзя Шэ устраивал порку, именно эта шайка приводила приговор в исполнение. Но теперь Цзя Чжэнь ни капли их не боялся.

Несколько человек приблизились с фальшивыми ухмылками на лицах. Цзя Чжэнь презрительно скривил губы и рявкнул:

— Пошли вон!

Услышав шум из комнаты, Цзя Шэ мгновенно почернел от злости:

— Ах ты, непутевый мерзавец, ты и впрямь жить надоело!

С этими словами он вскочил на ноги и бросился к выходу.

Старая госпожа окликнула его, останавливая:

— Юаньян, ступай и приведи второго господина.

Старая дама прекрасно понимала, что Цзя Чжэнь больше не станет смиренно терпеть побои и ругань отца. Но она никак не ожидала, что этот сорванец устроит столь безобразную сцену.

В нынешних обстоятельствах ей никак нельзя было допустить, чтобы они публично сошлись в смертельной схватке прямо в Зале Жунцин.

Гнев в груди Цзя Шэ кипел так сильно, что он впервые в жизни дерзнул возразить матери:

— Матушка, в это дело не вмешивайтесь.

Если вдуматься, на душе у Цзя Шэ скребли кошки, и всё было невероятно запутано. С одной стороны, он прекрасно осознавал: если бы в свое время он не вел себя столь безрассудно, его жена не испытала бы потрясений во время родов, не приведших к преждевременному появлению ребенка на свет.

Истинной виновницей смерти госпожи Чэнь в конце концов был не кто иной, как он сам, Цзя Шэ.

Но будучи трусом и законченным эгоистом, разве мог он признать вину за собой? В порыве ярости он швырнул на землю только что родившегося первенца — в его глазах именно появление на свет этого негодяя погубило любимую женщину.

Позже тесть явился к нему не для того, чтобы упрекнуть в плохой заботе об Янь'эр, а лишь бросить в лицо обвинение в диком поступке с младенцем. Цзя Шэ тут же огрызнулся в ответ, и с тех пор на протяжении более чем десятка лет они не поддерживали никаких отношений.

Все эти годы он брал одну наложницу за другой, осушал кубок за кубком вино, пытаясь заглушить боль и довести себя до ручки. Лишь бы только не вспоминать тот вечно улыбающийся образ.

Цзя Шэ отчаянно пытался запереть себя в иллюзорном мире.

Но этот проклятый мерзавец молча и безжалостно разрушил всё до основания.

— Наглец! С кем это ты смеешь так разговаривать?!

Гнев старой госпожи вспыхнул с новой силой.

Не говоря уже о ее вечно непутевом старшем сыне — даже второй сын и глава Восточного особняка Чжэнь-гэ не смели разговаривать с ней в подобном тоне.

Авторитет старой госпожи в обоих особняках держался не только на старшинстве. Куда большую роль играли ее происхождение и поддержка императорского двора.

Она носила звание вдовствующей госпожи Жунго первого ранга, происходила из клана Жунгогуна, подарившего империи двух военных руководителей высшего ранга подряд. Ее покойный муж Цзя Дайшань был прославленным полководцем Великого Чжэн, которого при жизни называли воплощением бога войны, и она являлась законной вдовой этого великого военачальника.

<http://bllate.org/book/19342/1891422>